

УДК 341

Некоторые соображения относительно отраслевых принципов в международном праве*

Ануфриева Людмила Петровна, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

lyu-anufrieva@yandex.ru

Аннотация: Содержание статьи затрагивает мало исследованную в науке международного права проблематику — дифференциацию принципов в системе МП, отраслевые принципы и воздействие на них основных принципов МП, а также возникновение отраслевых принципов и факторы, обуславливающие в целом отраслеобразование в международном праве. **Ключевые слова:** международное право, принципы, основные принципы, отраслевые принципы, дифференциация, отраслеобразование.

Общие положения, касающиеся понятия «принцип» в международном праве. В разные эпохи в понятии «принцип» подчеркивалась прежде всего идейная состав-

ляющая его содержания. Вместе с тем, по утверждениям Гегеля, идея, заложенная в принципе как категория научного познания, является «самим по себе определенным по-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект N 18-011-01060 «Принципы в современном международном праве».

UDC 341

Some considerations on sectoral principles in international law

Anufrieva Lyudmila Petrovna, professor of the department of international law of Kutafin Moscow State Law University, doctor of sciences (law), professor

lyu-anufrieva@yandex.ru

Annotation: The content of the article touches upon the little — studied problems in the science of international law- the differentiation of principles in the MP system, industry principles and the impact of the main principles of MP on them, as well as the emergence of industry principles and factors that determine the overall industry formation in international law. **Keywords:** international law, principles, basic principles, industry principles, differentiation.

нятием, есть практическая идея, действова-
ние» [1, с. 193]. Подобный подход к прин-
ципу в виде акцентирования «практической
идеи», его «действия» означает на са-
мом деле не что иное, как гипотезу о пере-
ходе идеи в иное состояние, о движении в
сторону приобретения качеств нормативно-
сти в случаях правовых принципов. Причем
сказанное не отрицает того, что идейное и
нормативное в принципах международного
права (далее — МП) присутствует органично,
во внутреннем единстве друг с другом. При
этом применительно к решению общеюри-
дической проблемы принципов права важно

согласиться с логически и сущностно верным
тезисом одного из исследователей советского
периода относительно того, что «принципы
права, выражаясь в юридических нормах, не
могут существовать вне права, — иначе они
будут принципами или категориями других,
неправовых социальных явлений» [2, с. 20].

В параллель с этим западная школа меж-
дународно-правовой науки в части изучения
понятия «принцип» в лице Д. Анцилотти ут-
верждала, что международное право состоит
из норм, имеющих своим источником опреде-
ленные принципы [3, с. 59]. Очевидно, что
в этом случае принципу придается значение,

как признающее его нормативную природу, так и выходящее за ее рамки, поскольку затем возникающие нормы способны воспринимать не только нормативное выражение принципа, но и соответствующую идейную его основу. Между тем все последующее развитие теории международного права шло по пути укрепления концепции *гармоничного* сочетания в категории принципа международного права нормативного и идейного. Реализация последней усматривается в конкретных разработках Комиссии международного права ООН на современном этапе при решении, например, более узких проблем, как, скажем, норм *jus cogens* — «императивных норм общего международного [публичного] права».

Упоминание о «практическом действовании» идеи и дальнейшее развитие этих положений в целом приводило к логическому продолжению и выводам, имеющим ключевое, непосредственно юридическое значение: принципы — это «основополагающие нормы международного права современной эпохи, нормы с широчайшим кругом адресатов, нормы категорические, нормы обязывающие и одновременно запрещающие» [4, с. 73], которые тем самым подытоживают формулы, выражающие суть принципов в международном праве. Исключительную роль перечисленное играет прежде всего в квалификации основных принципов, образующих «становой хребет» современного МП, но является не менее важным и для иных разрядов принципов, имеющих в международном праве, — в частности, *отраслевых* его принципов. Советский период в теории международного

права в области принципов характерен в общем дихотомией применительно к принципам с различием основных (общепризнанных) и отраслевых. Уже много спустя стали появляться работы с выдвиганием идей о наличии будто бы трех видов принципов: «общеотраслевых, «межотраслевых» и основных [5, с. 433–441]. В связи с этим возникает серия вопросов: что такое «общеотраслевые» принципы и дифференцируются ли они по отношению к «собственно отраслевым»? Что такое «межотраслевые» принципы и на каких критериях, принятых в науке международного права применительно к системо- и отраслеобразованию, они конструируются? Одна скупая фраза в названной статье, относящаяся к перечисленным вопросам и предмету как таковому: «межотраслевые принципы регламентируют правоотношения двух и более отраслей международного права», кроме двух юридических ошибок («принципы регламентируют правоотношения» и «правоотношения двух и более отраслей...»), — ничего не раскрывает. Говоря же откровенно, с учетом всего, что было сказано касательно принципов в настоящем чуть выше, свидетельствует, что обоснование для выделения и идентификации последней группы принципов представить себе по меньшей мере затруднительно.

Таким образом, стоит подчеркнуть: в любых группах принципов международного права идейное и нормативное присутствует органично, во внутреннем единстве друг с другом. В этом отношении примечательна позиция Д. Анцилотти, полагавшего, что международное право состоит из норм, имеющих

своим источником определенные принципы [3, с. 59]. Очевидно, что в таком случае автор придает принципу значение, несомненно выходящее за рамки только нормативной его природы и формально-юридического подхода к его пониманию. Все последующее развитие теории международного права шло по пути укрепления концепции *сочетания* в категории принципа международного права нормативного и идейного и ее реализации в конкретных разработках более узких проблем, как, например, норм *jus cogens*, или «императивных норм общего международного [публичного] права».

В свете этого подчеркнем: главный акцент, конечно, в анализе материала о принципах международного права составляет рассмотрение основных и отраслевых принципов.

Отраслевые принципы международного права. В целом представляется, что раздел международно-правовой науки, касающийся отраслевых принципов международного права, всерьез нуждается в особых усилиях со стороны теоретиков международного права в целях получения новых знаний об этом предмете и их углубления. Проблематика отраслевых принципов тесно связана с вопросами отраслеобразования в международном праве, но ни то, ни другое не удостоены надлежащим вниманием в современный

период. Достаточно сказать, что прежние достижения отечественной науки в последней из затронутых областей уходят едва ли не в сорокалетнее прошлое. Опираясь на общетеоретические выводы юридической науки, следует отметить, что специалисты не во всем были единодушны, когда дело касалось факторов, обуславливающих выделение норм в особое их подразделение — отрасль международного права. До сих пор указанное является актуальным не только для обоснования наличия либо раскрытия содержания категории *отраслевые принципы*, но и для решения первичного вопроса об аргументации деления в отдельных случаях нормативного массива на отрасли и подотрасли в рамках международно-правовой системы. В международном праве в отличие от внутригосударственного права, принципы выступают едва ли не второй по очереди, следующей за специфичным объектом регулирования, правовой абстракцией системообразующего (в рамках отрасли) порядка. Это оправданно постольку, поскольку объект международного права не может служить безусловным критерием для целей отраслеобразования, ибо во всех отраслях и подотраслях МП объект правового регулирования один и тот же — «междувластные» отношения¹. Не может способствовать отграничению одной отрасли

¹ Очевидность позиции о недостаточности одного лишь предмета (объекта регулирования) для создания отрасли международного права подтверждается высказываниями со стороны многих отечественных международников (А. И. Йойрыша, Ю. М. Колосова, Д. Б. Левина, С. А. Малинина, Д. И. Фельдмана, Е. А. Шибяевой и др.).

международного права от элементов (нормативных образований) международного права. В этом качестве выступает согласование воле субъектов и координирование их волевых действий. Равным образом и субъекты в отраслях международного права одни и те же: государства, межгосударственные организации, нации, борющиеся за свое самоопределение (независимость), государственно-подобные образования. Следовательно, наряду с задачами и функциями только принципы (т. е. юридические нормы, обладающие иерархически более высоким положением, чем обычные правила поведения, и выраженные вовне как таковые) в состоянии дать ответ на вопрос о выделении отрасли (подотрасли) в международном праве. Более того, именно наличие или отсутствие специфических норм (принципов) в определенном массиве международно-правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, образует критерий для выявления самостоятельности их в рамках отрасли права. О международно-правовых принципах как критериях отраслеобразования и структурирования в системе международного права определенно высказывался, помимо Е. Т. Усенко,

В. А. Карташкин². Как представляется, эволюция взглядов на природу, структуру, отраслевое деление и систему международного права как нельзя лучше отражает процессы в самом международном праве, которое в ряде периодов развивалось революционно. В частности, в 70–80-х гг. XX столетия дебатировался вопрос о необходимых качествах, которым должны удовлетворять основы отраслевого распределения международно-правовых норм, в то время как ранее, в 60-е гг., статус международного права как системы отрицался вообще: оно «...не является упорядоченной системой согласованных норм; в лучшем случае — это конгломерат норм различного происхождения, более или менее произвольно систематизируемых авторами»³.

В обобщенном виде предложения, выдвинутые в правовой литературе в части систематики МП⁴, касаются ряда факторов, которые обуславливают в соответствующих случаях выделение совокупностей норм, претендующих на статус отрасли международного права. Среди них, во-первых, специфичность юридических норм и способов их создания (например, права международных организаций — Е. А. Шibaева); во-вторых,

² См.: Усенко Е. Т. О системе международного права // Советское государство и право. 1988. N 4. С. 124–125; Он же. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. С. 115–119; Карташкин В. А. Права человека и мирное сосуществование.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977.

³ Wolfke K. Custom in Present International Law. Wroclaw, 1964. P. 95. Отрицалась, как известно, даже обязательная природа международного права, само качество быть «правом»: Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford University Press. 1961. Pp. 215–217.

качественная обособленность отношений (С. А. Малинин); в-третьих, заинтересованность международного сообщества в развитии такой отрасли и совершенствовании специализированного правового регулирования конкретного вида/группы общественных отношений (скажем, атомного права — А. И. Йойрыш); в-четвертых, присутствие большого объема нормативного материала и его «сквозной» характер для соответствующей области отношений (Ю. М. Колосов). Фундаментальным с научной точки зрения выводом в отношении системы и отраслеобразования в международном праве, нужно признать утверждение об объективности характера системы международного права, противопоставленной произвольным конструкциям и опосредствующей его внутреннее качество, которое обусловлено свойствами и закономерностями регулируемых им общественных отношений [6, с. 242]. Д. И. Фельдман кладет в основу интегративные свойства системы, выражающиеся в том, что «системообразующие компоненты единого целого в отличие от суммативного целого обладают общим качеством, которое отсутствует у них вне системы... Для того, чтобы придать совокупности элементов свойство системы, нужно, чтобы в такой совокупности были ... объединяющее начало, принци-

пы, оси, хребет, связующее звено, когда (по Канту) «целое главенствует над частями» [7, с. 4]. В ряде позиций Д. И. Фельдмана и отчасти Е. Т. Усенко «красной нитью» проходит мысль об автономности определенной группы норм как о непереносимом свойственном отраслевому делению признаке, хотя последний сам признает его неточность и неконструктивность⁵.

Можно констатировать, что приведенное составляет «константу» в исследовании отраслевых принципов МП. В ходе дальнейшего развития позитивного международного права и науки, изучающей его, теоретические импульсы системного и структурного взгляда, — во всяком случае аспект, касающийся признаков (формирования и видов), определяющих отраслевое деление норм международного права, — до сих пор не получил всестороннего, научно обоснованного и развернутого освещения. Таким образом, пожалуй, не будет ошибкой сказать, что дальше отечественная наука в этой части не продвинулась.

Разграничение в международном праве принципов на «общие и «отраслевые» признается и международной судебной практикой: в решении по спору между Сальвадором и Гондурасом от 13 сентября 1990 г. [8, р. 26] МС исходил из *принципов морского права*;

⁴ Развернутый спектр мнений по вопросу о различных критериях, предлагаемых отечественными международниками, присутствует в статье Д. И. Фельдмана. См.: О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979. С. 105–107.

⁵ См.: Усенко Е. Т. Указ. соч. С. 123.

в рассмотрении спора по делу «Габчиково — Надьямарош», тот же форум, затрагивая вопрос о «принципе предосторожности», хоть и отрицал сформированность его нормативности в качестве *принципа международного экологического права* [9, р. 7], но, как видно, подходил к нему именно как отраслевому. В то же время Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации в деле «ЕС — Гормоны» [10, р. 202], наоборот, оценив доказательств сторон, вынес решение, что принцип предосторожности *в общем международном праве не получил должного закрепления, но является отраслевым принципом международного права* (выделено мной — Л. А.). Между прочим, в этой связи следует отметить, что в доктрине как бы в противовес встречаются квалификации обратного толка: некоторые отраслевые принципы признаются, во-первых, принципами «общего международного права», во-вторых, его императивными нормами, в-третьих, еще более строго, — «нормами *jus cogens*». Так, в отношении, например, *mare liberum* («принцип свободы морей») М. Шоу полагает, что в современном морском праве «принцип свободы открытого моря» — стремительно стал *основным принципом* международного права [11, р. 490].

Любопытными являются и моменты, связанные с возникновением отраслевых принципов и влиянием, оказываемым на них со стороны основных принципов. Примечателен пример космического права в части появления основополагающего его принципа свободы использования космического пространства и свободы пролета над воздушным

пространством, входящим в состав государственной территории и подпадающим под действие суверенитета государства, поскольку он поистине уникален. Летчик-космонавт, доктор юридических наук Ю. М. Батулин пишет по этому поводу: «Интересный исторический факт: исходный «строительный блок» космического права не просто предшествовал старту первого в мире космического объекта, ... сам запуск спутника в США зависел ... от результата обсуждения одной из предполагаемых международно-правовых норм» [12, с. 1]. Автор скромно именуется «исходный строительный блок» космического права международно-правовой «нормой», хотя на самом деле речь должна вестись конечно же о большем — о ведущем принципе международного космического права. Но важно отметить другое: в данном случае имел место своего рода парадокс: активная *национальная* космическая деятельность требовала создания определенного *международно-правового* базиса (особенно принципиальной основы) ввиду колоссальной значимости как объекта правового регулирования в данной сфере, так и понятий «космическое пространство» или «космическая деятельность» и т. д. Масштабное соперничество и даже противостояние двух великих держав — СССР и США — в 50-е гг. в производстве новых видов энергии, освоении космического пространства и т. п. осуществлялись прежде всего в военных целях, т. е. обеспечения безопасности посредством создания новых видов оружия, в частности, баллистических крылатых ракет, разведывательных спутников и проч. Впервые то,

что ныне известно как «доктрина открытого неба», прозвучало в середине 1950-х гг. Решение о запуске американского научного спутника состоялось в качестве американского вклада в проведение Международного геофизического года — совместной программы 67 ученых 1957–1958 гг., на основе резолюции Международного совета научных союзов 1954 г., которая нацеливала на разворачивание запусков искусственных спутников для содействия картографирования Земли. В силу ряда стратегических и тактических причин политического характера, а также действия психологических факторов запуск первого искусственного спутника Земли СССР был смещен назад с 6 на 4 октября 1957 г. [12, с. 1–17]. Вместе с этим был начат отсчет первого этапа в формировании вышеназванного, а также и иных специальных принципов международного космического права. Вот как описываются в литературе соответствующие обстоятельства: «Спутник делал виток за витком, пролетая над территорией многих стран. США внимательно следили за их реакцией. Дипломатических демаршей и протестов в мире не последовало: «Русские ненамеренно создали для нас хорошую ситуацию

для утверждения принципа свободы космического пространства, — сказал заместитель министра обороны США...» [12, с. 9].

Следующий запуск Советским Союзом спутника Земли 3 ноября 1957 г. ознаменовал не только успешное завершение начального этапа в освоении космического пространства, но и, разумеется, начало создания принципиальной основы регулирования деятельности по освоению космического пространства: закрепление, помимо обозначенного ранее принципа свободы эксплуатации космического пространства, принципа использования космоса исключительно в мирных целях⁶, запрещения распространения в космосе ядерного оружия, а также размещения иных видов вооружений и др. Со временем основные принципы уважения государственного суверенитета и равноправия, сотрудничества государств обеспечили формирование целого «блока» норм международного права — «общего достояния» или «общего наследия человечества» и т. п. как ведущих принципов ряда отраслей, а именно: международного космического, международного морского, международного гуманитарного права и др.

Функционирование отдельных звеньев

⁶ См. письмо Президента США Н. А. Булганину от 13 января 1958 г.: «Мы согласны с тем, что космическое пространство будет использоваться только в мирных целях». *Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U. S. Civil Space Program. Volume I: Organizing for Exploration. J. M. Lodgson. Editor with L. J. Lear, J. Warren-Findley, R. A. Williamson, D. A. Day. Washington D. C., NASA History Office. 1995. P. 350 (цит. по: Батулин Ю. М. Указ. соч. С. 2, 11); см. также резолюцию ГА ООН 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 г. «Вопрос об использовании космического пространства в мирных целях».*

либо конкретных инструментов в механизмах влияния основных принципов на возникновение и развитие отраслевых принципов различия, но имеется некий общий «заряд» — высокий уровень обобщения, который позволяет осуществить «разворот» на специфический объект регулирования именно той грани основного принципа, которая в наибольшей степени соотносится с ним, являясь совершенной с точки зрения адекватности. В этом смысле можно говорить о наличии неких «парных категорий» в рядах основных и отраслевых принципов в системе международного права. Примерами выступают, скажем, «связки» основных принципов МП и отраслевых принципов в международном экономическом праве (МЭП): уважение суверенитета государств (основной принцип) и принцип

неотъемлемого суверенитета государств над своими естественными ресурсами; принцип сотрудничества (основной принцип, закрепленный в Уставе ООН) и принцип сотрудничества в целях развития; принцип неприменения силы и угрозы силой как основной принцип общего международного права и принцип запрета принудительного взыскания долгов (использования силы в международных экономических отношениях) [13].

Присутствующие в настоящем высказывания общего плана по поводу отраслевых принципов в международном праве не могут, разумеется, рассматриваться в полной мере исчерпывающими предмет, однако, думается, в состоянии дать импульс к дальнейшему их исследованию.

Примечания

1. Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Семенов В. М. Принципы советского социалистического общенародного права // Советское государство и право. 1964. N 1.
3. Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. Т. 1.
4. Бобров Р. Л. Современное международное право (объективные предпосылки и социальное назначение). Л., 1962.
5. Бекяшев К. А. Понятие и классификация основных принципов общего международного права // Lex russica. 2008. Т. 67. N 2.

Notes (*transliteration*)

1. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy, volume 29 (in Russ.).
2. Semenov V. M. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1964, no. 1 (in Russ.).
3. Antsilotti D. *Kurs mezhdunarodnogo prava*. Moscow, 1961, volume 1 (in Russ.).
4. Bobrov R. L. *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo*. Leningrad, 1962 (in Russ.).
5. Bekyashev K. A. *Lex russica*, 2008, volume 67, no. 2 (in Russ.).
6. *Kurs mezhdunarodnogo prava* / Yu. A. Baskin, N. B. Krylov, D. B. Levin. Moscow: *Nauka*,

6. См.: Курс международного права: в 7 т. / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др.; отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. М.: Наука, 1989. Т. 1.
7. Фельдман Д. И. Система международного права. Казань: Издательство Казанского университета, 1983.
8. См: Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras). Application to Intervene. Judgment. ICJ Reports, 1990.
9. Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), ICJ Reports, 1997.
10. См.: European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones), WT/DS26/AB/R.
11. Shaw M. International Law. Eighth ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
12. Батулин Ю. М. Первый спутник и международное космическое право (советский и американский подходы) // Liber Amicorum honouring Gennady P. Zhukov. Актуальные проблемы современного международного права: материалы Межвузовской научно-практической конференции. Москва, 29 апреля 2005 г. / отв. ред. А. Я. Капустин, А. Х. Абашидзе. М.: Издательство РУДН, 2005.
13. См.: Doc. A/RES/29/3281. Charter of Economic Rights and Duties of States. GA 2315th Plenary Meeting. 12 December 1974. URL: <https://undocs.org> (дата обращения: 10.01.2021).
- 1989, volume 1 (in Russ.).
7. Fel'dman D. I. Sistema mezhdunarodnogo prava. Kazan: *Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta*, 1983 (in Russ.).
8. Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras). Application to Intervene. Judgment. ICJ Reports, 1990.
9. Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), ICJ Reports, 1997.
10. European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones), WT/DS26/AB/R.
11. Shaw M. International Law. Eighth ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
12. Baturin Yu. M. Pervyy sputnik i mezhdunarodnoye kosmicheskoye pravo (sovetskiy i amerikanskiy podkhody). Moscow: *Izdatel'stvo RUDN*, 2005 (in Russ.).
13. Doc. A/RES/29/3281. Charter of Economic Rights and Duties of States. GA 2315th Plenary Meeting. 12 December 1974. URL: <https://undocs.org> (дата обращения: 10.01.2021).